

Глава 1

В Киртохе ценились девственницы. Особенно такие, как я, — красивые, грациозные, породистые. После того как несколько лет назад на нас напали оникисы — оборотни, пришедшие через открытые Врата, — найти девушку, которая уже сформировалась, но еще не была с мужчиной, стало почти невозможно. Война не способствует сохранению добродетели.

Еще пять лет назад оникисы были легендой, страшной, которую рассказывали перед сном не послушным девочкам. А сейчас я каждый вечер танцевала перед ними почти обнаженной. Легкое полупрозрачное одеяние можно не принимать в расчет, оно скорее подчеркивало мои прелести, нежели их скрывало.

Медленно, плавно покачивая бедрами, я двигалась в привычном ритме и не обращала внимания на плотоядные взгляды. Тут мне ничего не угрожало, да и за пределами клуба «За час до сна» тоже.

У меня с владельцем был контракт. И охранная татуировка на три года. Меня никто не посмеет тронуть, пока я танцую у него. О таком многие

могли только мечтать, а я... я горько смеялась и плакала ночами.

Ониксы уничтожили мою семью, уничтожили быт и привычный уклад империи. Они ворвались в наш мир и устроили хаос из моей благополучной и распланированной жизни.

Сейчас все утихло. Воины, насиловавшие наших женщин и грабившие наши дома, исчезли. Им на смену пришли богатые и довольные жизнью господа. Они бросали к моим ногам монеты, на которые я могла неплохо прожить, отпускали сальные шуточки и знали, что, если попытаются дотронуться, их ждет неминуемая расплата и штраф. В мою пользу. Его мне хватит для того, чтобы устроить собственную жизнь.

Поэтому я была спокойна. Но не довольна. Меня готовили не к такому существованию.

Эдран Лаурс ценил каждую из своих танцовщиц, а меня особенно. Я была жемчужиной его коллекции и приносила больше всего денег. Требовалось от меня не много: сохранять невинность. Ониксы, как любые звери, чувствовали ее, и она придавала мне дополнительный шарм.

Эти ониксы казались уставшими, и танцовщица была лишь частью расслабляющей атмосферы клуба наряду с неторопливой музыкой и кальяном. Я любила такие дни. Можно было танцевать вволю, совершенствовать технику и ни о чем не думать. Быть частью интерьера намного проще, чем жемчужиной вечера в индивидуальном танце-привате.

Очень нежная луноволосая Эльлель выплыла вовремя, едва заводная огненная мелодия, под которую танцевала я, сменилась медленной композицией. Я поклонилась и умчалась со сцены в гримерку — переодеваться.

Сегодняшний рабочий день подошел к концу. Я на ходу вытаскивала шпильки из тяжелых огненно-рыжих волос, которые убрала на время выступления. Я танцевала сегодня с полудня, и поэтому тело уже ныло, но это была приятная боль, к которой я привыкла.

— Эва! — окрикнула меня совсем юная девчонка — Кэтти.

Она появилась у нас всего месяц назад и смотрела на меня с немым обожанием. Признаться, мне это нравилось. Приятно быть чьим-то кумиром.

— Господин Эдран попросил тебя зайти, — сообщила она, а я застонала.

— Может быть, ты меня не видела? — уточнила с надеждой, но ее полный тоски растерянный взгляд заставил меня сжалиться и пообещать: — Сейчас зайду.

Подставлять малую не хотела. Я-то домой сбегу, а ей достанется. Я знала, что означает неожиданная просьба прийти: щедрые чаевые и задержку. Скорее всего, прибыл кто-то из важных гостей и нужен особенный танец. Такие обычно заказывали меня. Я была лучшей.

Мне не дали даже дойти до гримерки, не говоря уж о том, чтобы хотя бы полчаса отдохнуть.

— Эва!

Владелец клуба Эдран Лаурс сам вышел мне навстречу. Он как никто другой подходил к своей должности. Бывший пират — закаленный морем, с рассеченной в драке физиономией, — он одним видом внушал страх, поэтому его девочек обижали редко.

— Ну си-ир... — простонала я. — Пять часов без отдыха! Имейте совесть! Если я рухну прямо на сцене, вряд ли это понравится клиентам.

— Эва... ты нравишься клиентам в принципе, даже если просто стоишь и томно на них смотришь, — польстил он и попросил: — Еще полчаса. Красивый чувственныи приват. Тот, для особых гостей. И ты свободна. И завтра тоже. Он хорошо платит, завтра отдохнешь и съездишь к Янине.

Я задумалась скорее для порядка. Несмотря на спокойный голос, Эдран не просил. Точнее, его просьбы не принято было игнорировать, хотя он с весьма покорным видом ждал ответа.

— Хорошо.

— Я знал, что ты разумная девочка. Только обязательно переоденься и прими душ. Это не просто пес. Начальство. Гостя такого статуса у нас еще не было. Постарайся. Он сейчас несколько занят...

Эдран криво усмехнулся, а я внутренне скривилась, поняв, о чем он.

— ...поэтому вряд оценит по достоинству. Но с посторонними запахами лучше не рисковать. Не дай боги заподозрит, что ты только что танцевала для других. Такие, как он, привыкли ко всему новому.

Я кивнула. Оборотни сильно отличались от людей. Не все их повадки были понятны, но я привыкла к ним и не раздражалась.

Обыденные процедуры не заняли много времени. Я быстро ополоснулась, смазала тело специальным увлажняющим маслом с едва заметным мускусным запахом, который нравился ониксам, и надела особый костюм.

Мне он совершенно не нравился, так как был слишком откровенным. Два полупрозрачных куска ткани, которые перекидывались через плечи и закреплялись на талии широким серебряным поясом. Мои полные груди не сковывала сеточка лифчика, а в танце это не очень удобно и слишком вызывающе. А еще через тонкую ткань был виден гладко выбритый лобок. Первое время я, воспитанная в строгости, не могла даже смотреть на этот костюм, не то что выйти в нем к людям. Но со временем привыкла.

Распустила по плечам волосы, перекинув несколько кудрявых прядей на грудь, и шагнула в полутемное помещение, затянутое кальянным дымом.

Оникс сидел в кресле перед небольшой сценой. Близко. Мне придется танцевать практически на уровне его пояса. Опасно. Я предпочитала, чтобы звери сидели у стены на диване. Этот был смелым и возбужденным. По-военному короткая стрижка, прикрытые глаза и грубые черты лица. У его коленей сидела обнаженная низшая, он держал ее за волосы и прижимал девичью голову к своему паху.

Мускулы на обнаженных предплечьях вздулись. Ониксы вообще были более мощными, нежели человеческие мужчины, а этот еще и крупнее среднестатистического оборотня — гора мышц.

Щеки вспыхнули, когда я опустила взгляд на белокурую головку девушки. Я видела подобное не раз, но так и не научилась воспринимать спокойно, хотя меня саму от судьбы этой покорной низшей отделяло не так уж и много. Лишь чуточку удачи.

Увидев меня, оникс отпустил волосы рабыни, но девушка продолжила делать свое дело. По всей видимости, очень умело, раз на скулах широкоплечего мужчины заходили желваки от с трудом сдерживаемого стона. Янтарные глаза вспыхнули волчьим, алым.

— Ближе... — глоухо приказал он, и я остановилась на краю сцены. Так близко, что могла поставить узкую обнаженную ступню на голову девушки или ему на колено.

Уже звучала музыка, и я начала плавно покачивать бедрами и прогибаться в спине. Волосы разлетелись по плечам, обнажая груди с полными про-котыми сосками, которые призывающе торчали. Я услышала, как из груди оникса вырвался низкий утробный рык, и это была реакция на мои в целом довольно невинные движения, а не на усердно со-сущую низшую.

Это успокоило. В очередной раз доказало, что я лучше и ценнее, нежели любая из девочек-низших, призванных удовлетворять самые низменные инстинкты ониксов.

Я повела плечами и чуть наклонилась вперед, выполняя возбуждающую тряску. Все мое тело мелко дрожало и заставляло оникса наклоняться вперед, шумно вдыхать носом, пытаясь уловить мой запах, и облизывать губы.

Дальше было сложнее. Я сделала шаг вперед и все же поставила ступню на его бедро — опасно близко, практически рядом с губами рабыни. Кончики пальцев стояли на грубой ткани штанов, но большой палец уже щекотали жесткие волосы. Очень опасно. Я всегда боялась, что однажды какой-то из ониксов не выдержит и решит, что удовольствие стоит штрафа, который клуб берет за невинность танцовщицы. Точнее, я знала: рано или поздно это произойдет.

Но вряд ли в этот раз.

Низшая тоже знала свое дело и понимала, за что ее тут кормят, поэтому начала сосать интенсивнее. Если нам повезет, то оникс сейчас кончит и ему станет не до нее и не до меня. Но этот держался. Не отрываясь, смотрел на меня, и в янтарных глазах плескалось пламя.

Перебитый в бою нос был почти ровным, а сильный подбородок — волевым. Редко когда оникисы вызывали хотя бы подобие симпатии. А этот, пусть по-звериному... но был красив грубой пугающей красотой, от которой сердце начинало колотиться, словно у мыши, которую кот загнал в угол.

Небритые щеки покраснели, а на лбу выступила испарина. Я отвернулась. Наблюдать за чужим едва сдерживаемым наслаждением было неловко.

— Смотри в глаза! — скомандовал он.

Я повиновалась, опускаясь ближе, практически скользя сосками по его губам. Но когда он, рыкнув, подался вперед, я уже отклонилась и повернулась спиной. Почти кульминационная и очень рисковая часть танца.

Сделав несколько плавных движений плечами, я мелкими шажочками подошла к краю сцены, снова опасно близко, но на сей раз повернувшись к онексу спиной. Он шумно вдохнул, коротко бросил наложнице «брысь» и подался вперед, ловя каждое движение моих ягодиц. А потом я сделала то, что являлось завершением танца: немного расставила ноги и медленно, чувственно согнулась так, что вся моя гладкая промежность и сверкающий камень в клиторе — все оказалось перед его взором.

Я подозревала, что сейчас произойдет: слишком сильный соблазн для зверя. И лучше бы наложница продолжала свое дело, тогда бы он точно кончил. Но ее не было. Зверь ухватил меня за ягодицы, развел в стороны, заставив задрожать от страха, и шумно вдохнул — но все в пределах дозволенного.

А потом произошло неожиданное: я почувствовала его язык на своих половых губах. Онекс лизнул неторопливо, медленно и, как ни странно, возбуждающе. Я дернулась — это было против правил, — но ему было уже все равно. Он не позволил мне уйти и резко, болезненно укусил за внутреннюю поверхность бедра.

Этого я не ждала. Вскрикнула, вырвалась, а он и не подумал удерживать. Только тихо рыкнул.

— Моя...

Я испуганно обернулась, чувствуя, как по бедру стекает струйка крови — клыки у них острые. Оникс откинулся в кресле. Сильная рука слегка сжимала огромное, все еще влажное от слюны наложницы достоинство. Он медленно его поглаживал, но не спешил подзывать девушку, замершую у стены.

— Эту забери, — бросил мне, указав подбородком на низшую. — Она все равно не поможет. Этот жар успокоить можешь только ты.

Так я не бегала, даже когда оникисы подожгли наш дом и я знала, что родители и старший брат мертвы. Только сейчас за мной никто не гнался, и это настораживало. Я забежала в гримерную и закрыла на замок дверь, соединяющую ее со сценой. Дыхание вырывалось с хрипом, а сердце билось, словно у бешеного зайца — сильно и испуганно.

— Эва? Что произошло? — поинтересовалась Элика, моя сменщица.

Она только что пришла и сейчас расхаживала по гримерке в одних кружевных трусиках. Ее темно-зеленый костюм все еще висел на ручке шкафа.

Дар речи пропал. В данный момент я могла объясняться только жестами. Похватала ртом воздух и потом без слов показала свое бедро. Точнее, след от укуса, который сейчас смотрелся особенно впечатляюще — кровавая ранка от клыков и ровные отпечатки от более тупых передних зубов.

— Он что, пометил тебя?

Глаза Элики стали такими огромными, что я испугалась еще больше. Я думала, мою сменщицу ничего не сможет удивить. Для нее, в отличие от меня, невинность давно стала товаром. Она искала, кому ее продать подороже, поэтому происходящее в клубе воспринимала иначе, чем я.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — поинтересовалась она. Удивление сменилось восторгом, смешанным с нескрываемой завистью.

— Представления не имею! — отозвалась я и, устало скинув с себя костюм, отправилась в душевую. Единственное, чего мне хотелось, — это сбежать домой, спрятаться под одеялом и не вылезать до завтрашнего утра.

— А зря! — Голос Элики пробивался сквозь журчание воды. — Это не просто укус или выражение симпатии. Он тебя пометил! Он заявил на тебя свои права! Ты понимаешь, что сейчас он готов пойти на многое, лишь бы получить тебя? Смотри, сделай правильный выбор!

— Какой правильный, Элика? — возмущенно поинтересовалась я, выскачивая из душевой и не обращая внимания на стекающее по телу мыло.

— Ну... — Она задумчиво подцепила мыльную пену с моего плеча и намазала ее мне на нос. — Или ты продашь свою невинность и будешь устраивать судьбу дальше, имея неплохой счет в банке...

— Или?

— Или рано или поздно он возьмет то, что ему причитается, силой... Это оникисы, они никогда не отступают от своей цели.

— На мне защитные руны. Эдран не даст меня в обиду. Да и война уже давно закончилась. Оникс не посмеет.

— Поверь, Эдран будет держать свечку, если оникс заплатит ему хорошие отступные. Эва, ты получила лучший из возможных шансов. Он пометил тебя как истинную пару — это не сиюминутное желание. Его зверь выбрал тебя.

— Он ничего мне не предлагал, — припечатала я последним аргументом.

— Ты дура, Эва, — сообщила Элика и добавила: — Хоть раз поступи разумно. А я пошла. Может, и меня укусит какой-нибудь важный господин. Може я не становлюсь. И ты, кстати, тоже.

— Мне всего восемнадцать!

— Да. Два-три года, и ты будешь доплачивать за свою невинность из собственного кошелька.

Я привычно фыркнула и снова скрылась в душевой. Слова Элики заставили задуматься, но я отказывалась воспринимать инцидент как нечто большее, чем просто неприятность на работе.

В жизни вне клуба я была обычной и ничем не примечательной жительницей послевоенного Киртоха. Слишком вызывающие длинные рыжие волосы заплетала в косу, а платья выбирала светло-серые, синие или коричневые, неброские, со строгим силуэтом и высоким воротом. Так я не привлекала к себе ненужного внимания. К тому же я старалась не тратить деньги на лишнее. Прекрасно знала, что достаточно сытое существование может прекратиться в любой момент. И тогда все на-